

Маргарита
СОСНИЦКАЯ
г. Москва

Мифологическая подоплёка «ДИВНЫХ ИСТОРИЙ» Владислава Бахревского

Один этот писатель представляет собой целый пласт культуры.

«Дивные истории города Сударушкина» – это сказочная летопись города в некотором царстве, некотором государстве, который вполне может быть и первопрестольным, потому что здесь есть площадь, на площади башня со шпилем, на башне часы, на шпиле яблоко, да и название его почти Государушкин. Одно не заладилось в славном городе – целое лето его поливает дождь, а вода камень точит. Оттого приуныли сударушкинцы. С улыбкой пришёл к ним только нез-

накомец – симфонией доброты звучит его улыбка на фоне дождя. Он забрался на башню, накрыл яблоко шляпой и показал своё мастерство-умение: дождь отхлынул за городскую стену. «Осквернитель!» – вопят горожане, и глас народа всегда прав: этимологически осквернил – сказал верно. Осквернитель, а в рифму – облакогонитель. Была такая профессия на былинной Руси, она подробно описана академиком Б.А.Рыбаковым, а ещё раньше была отражена в теории русского

космизма её родоначальником, философом-футурологом, религиозным мыслителем и педагогом Н.Ф. Фёдоровым; представителями русского космизма в науке были Циолковский, Чижевский, Вернадский; незнакомец – с ними одного поля ягода. В наши дни функцию облакогонителей по налаживанию хорошей погоды для воздушных парадов выполняют техническими средствами; пушками по облакам, как предлагал Н.Ф. Фёдоров, не палят, зато распыляют на облако, брюхатое дождём, сухой лёд или йодит серебра.

Прекращение дождя – это первое действие, которое сотворил незнакомец во граде Сударушкине безтехногенным путём, а при помощи шляпы, да ещё забыв слово заветное облакам и дождичку молвить. А тот, кто прогоняет пасмурную погоду, тот... утверждает чудо Света, / Предшествующее чудесам семи / В сиянье чистом перволета, / В круженье кружевном светил.

Он подчинил своей светлой воле качество пространства. Покорителями пространства были и создатели русского космизма.

Второе действие его – сапожное. Он гвозди в башмаках разгибает, чтоб в пятки не впивались. И граждане Сударушкина, особенно гражданки сударыни, не улыбнувшись даже солнышку после дождя, просияли улыбками. Выходит, в башмачках счастье, ведь человек держится на ногах, стоит на Земле, от нее силой питается – держит связь с хтоническим миром. А что в туфельке счастье, особенно известно Золушке и её принцу.

Самое интересное ждёт впереди: в харчевне – но там блюда глазами бы ел, а изо рта выплёвывал. «Всё дело в часах», – со вздохом пояснил официант. Горожане перепутали время из-за нерадивого часовщика. И тут из ареала пространства пришлый незнакомец переходит в ареал времени. Для этого он снова забирается на башню, открывает часы, а там и паутина, напоминающая миф о царевне Арахне, превращённой Афиной в паука за её дерзость, и целая стая сов: сова же – это аллегория мудрости, ни один маг, даже такой могучий, как Мерлин, не живёт без совы. Афина же и является богиней мудрости, а сова вообще птица, посвящённая ей; не случайно Афины называют совокою; сова ещё символизирует тещу. Изображение совы чеканили на серебряных афинских монетах (т.е. Афины – город богини мудрости и совы), тем отдавая ей почтение. И сегодня на монетах достоинством в один евро, отчеканенных в Греции, изображена сова – вечный символ мудрости. Вечный, хотя, починив часы, незнакомец перешёл

в категорию времени из категории пространства. А посерединке-то что между ними было? Был гвоздь. Который он загибал и поглубже вколачивал в башмаках. Т.е. он вбивал гвоздь на пересечении пространства и времени. Именно это символизирует крест согласно древнему общечеловеческому знанию, ведь на пересечении времени и пространства находится судьба человека. «И кто моей, распорядясь судьбой, / Мне подсказал страну, семью и время?» (поэт Бр. Горб).

Часы, исправленные незнакомцем, бьют семь раз. Семь роз красного цвета дарят любимым. Это язык цветов, написанный по правилам нумерологии Числобога, и семёрка в ней – цифра любви. Семь нот, семь цветов радуги. На семи холмах не только Рим и Москва стоит, а ещё Киев, Константинополь, Барселона, Брюссель, Амман, София, Лиссабон, Кишинёв, Бухарест, Нижний Новгород, Смоленск, Брянск, Владимир, Вятка, Уфа, Чердынь, Ижевск, Екатеринбург, Ханты-Мансийск, Муром, Мюнхен..., а Росток ещё и называют городом на семи ветрах (по-русски Расток, т.к. река там разливается на два рукава).

Семисловие – это молитва, когда имя Бога повторяется семижды. «Семисловие» – отдельная статья о широчайшем применении сакральной семёрки в русской Речи: в словострое, сказках, поговорках, мифах, религиях, календаре. А Речь – отражение мироздания и его законов. Складывается космогония семёрки: Каждому звуку свой цвет, / Каждому цвету – падеж, / Всяк падежу – свой день, / Дню же – своё светило, /Чтобы в ладу всё было.

Да и у самого В.А. Бахревского есть сказка «Колокольчик о семи лепестках». (N.B. Седьмой падеж – звательный, от него в русском остались формы Отче, Боже, мати, мам, пап, Люсь, Мань...) Семёрка – это мир, любовь и согласие. И когда на башне бьют семижды часы, они объявляют всему свету по секрету (а для тех, кто не знает значения семёрки – это секрет), что незнакомец своим огромным добрым сердцем любит мир, всех людей, всяк человек ему ближний. И это было его четвёртое действие во граде Сударушкине. У креста столько концов, сколько сторон света.

Пятое действие – обучение игре на дудке. Значит, незнакомец – и жрец, и жнец, и в дуду игрец. При необходимости может стать заклинателем змей. Но и он устал творить простые чудеса и под открытым небом прилёг на лавке отдохнуть, гостеприимство благодарных обитателей Сударушкина ему оказала бродячая собака.

*Одолой меня, тихий вечерний покой,
Примири меня с тенью и светом,
Словно обнял меня волк степной
И со мною заснул до рассвета*.*

Незнакомец, как Христос, скитается без крова. И тут происходит шестое действие, правда, не им содеянное: сторожа, эти римские легионеры, изгоняют незнакомца, мистера икс, Х. Не ведая, что творят.

Седьмое и последнее действие совершает сударушка. Она привечает незнакомца у себя в доме вместе с его собакой. Конец – делу венец. Венец всего – мир, любовь и согласие. Сказка написана по семи нотам сказочных правил. Началась за упокой, с плачущего неба, зато закончилась за здравие – любовью, той самой, «что движет Солнце и светила» (Данте), она основа мироздания, которое, по преданию, и сотворено за седмицу.

Следующая сказка «Девочка Скраешку». Это светлое озеро, а на дне его, сквозь чистую воду виден миф о небесных пряхах – трёх мойрах (Греция), норнах (Германия, Скандинавия), парках (Рим), Макоше, Доле и Недоле, миф, который сшивает культуры разных народов в одну книгу знаний, символов, образов. «Три сестрицы-кружевницы» напрямик переаукиваются со строками «Три сестрицы под окном / Пряли поздно вечерком». Каждая из прях символизирует время, – прошлое, настоящее и будущее, – они ткут судьбу. Три ведьмы в трагедии Шекспира «Макбет» – одна из многочисленных проекций норн, северных богинь-прях судьбы, в литературе. Они в самом начале предсказывают будущее Макбету. Пряхи в мифах безмятежны, бесстрастны, а в сказке В.А. Бахревского кружевницы позавидовали красоте бедной Маруси, тем напоминая заклинание ведьм из «Макбета»: «Зло станет правдой, правда – злом/. Взовьёмся в воздухе гнилом». Ведь кружевницы в коварном молчании плетут Марусе в приданое кружево на беду, и отводит её только девочка Скраешку своим незаметным вмешательством. Затем её радения вознаграждаются, она – последняя, становится первой.

Три парки, три ведьмы и три музыкальных инструмента в «Свистулке, рожке и балалайке» – Бог любит Троицу, а соответственно, и Речь. Повествование о городе Сударушкине продолжается по правилам Числобога.

*Числа выше зла,
И добро выше зла,
Но числа выше всего.
Зло оседает в осадок
В неведомые бездны,
Добро правит на нивах,
В сердцах правдивых,
Числа – в прозрачном эфире.
В числах всё чётко, стройно,
Ничего не случайно,
И числа правят миром*.*

Герои этой сказки – бедная вдова и три её сына, которых она отдаёт в ученье захожему старичку (каликү перехожему?) опять же на семь полных лет, а сама столько же батрачит на хозяйина, а тот себе на уме. И только вернувшиеся с учения сыновья защитят матушку. Вот старший, Ваня, достаёт свою свистулку в виде барана с красными рогами, та по его свисту в барана круторогого, величиной с быка, превращается и не глядит, как баран на новые хозяйские ворота, а бежит их бодать. Нужно ли говорить, что это скотий бог Велес/Волос, которого мы встречаем в астрологии и мифах всех стран, от Баальбека/ Baalbeck, Золотого тельца, созвездий Овена и Тельца до синего быка в «Альтисте Данилове» Владимира Орлова? В честь него и одна ширь в Англии названа Wales – Уэльс, и фамилия фантаста – Герберт Уэллс.

Сказка «Лепота» в первых строках по духу напоминает «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, когда «по простоте своей отправился Лепота в арабские страны торговать русским жемчугом» – в те поры он зеньчугом звался. В имени Лепоты эхом отдаются обстрелы сирийского Алеппо; корень слова один, точнее, два: ал-леп, ало и лепо (антоним нелепо) – значение их нам понятно. И, вероятно, это созвучие неслучайно: В.А. Бахревский, сказочник, бахарь бывал в мирном Алеппо, приобщился к его красоте (лепоте), когда алая заря едва окрасит небосвод, а по улочкам уже разносится тонкий звук от турок, в которых толкут утренний кофе. А пройдя полмира до Пальмиры, и там ощутил, как сладок и приятен её дух. «Подумалось Лепоте: может, тут и остаться. А сам уже шёл, на Лебеда небесного глядя. – Эх, крылья бы!»

Лебедь здесь – созвездие, чертог Лебеда. И Человек на Земле всегда тянулся к близким ему звёздам. Вечность отразилась в мгновенье...

За каждым действием, образом, объектом «Дивных историй» движется целый караван культурологических ассоциаций, аналогий, параллелей, иносказаний, которые можно прочитывать, владея универсальной азбукой символов. Например, Лепоте выпадает задача выбрать между алой и белой розой. А под ними зарыты пласты воплощений символа, например, тридцатилетняя война – серия вооружённых династических конфликтов между группировками английской знати в 1455–1485 годах в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков. Король Генрих VII в конце 117-летней войны объединил красные и белые розы фракций в единую красно-белую Розу Тюдоров (otvet.mail.ru).

И от выбора Лепоты Красотеневича алой или белой розы жизнь красавицы зависит. Спас он её или погубил, узнаете, когда прочтёте сказку. Судьба красавицы зависит от розы, как в опере Рихарда Штрауса по либретто Гуго фон Гофмансталя «Кавалер роз».

Бедуинка, которая взяла Лепоту «за руки, увела в шатёр», пахнет восточными духами Шамаханской царицы, опьянившими Додона и его трёх сыновей насмерть, хотя наверняка сказочник о них вовсе не думал, когда описывал хождения Лепоты по пустыне, что тут же напоминает о Христосе в пустыне, и Лепота по инерции логики вскоре попадает к гробу Господню.

Все символические регалии многолики, вечно живы; потянешь ниточку одной, и сразу разматывается целый клубок, от коней золотого и серебряного, тянущих за собой ассоциации с Коньком-Горбунком и целым табуном Пегасов, до Благодарного дерева – Мирового Древа жизни.

«Скоморошек» – сказка – ложь, да в ней намёк на гонения на скоморохов и гуслиаров (а именно так изначально назывались они) на Руси, начиная с XI века. Сейчас искусство игры на этом древнейшем инструменте «гармонизации Вселенной» потихоньку возрождается, по России проходят конкурсы, в Долгопрудном, Чебоксарах; выступают ансамбли «Живая вода», «Родник», «Гуслиары», «Гуди гораздо», «Петровские гуслиары», ездят с гастрольями за границу, популярны и сольные исполнители: Любослав (А. Субботин) и др. Это пусть и утешит Скоморошка, и станет счастливым концом грустной сказки о нём.

«Если есть Бог, то он танцует» – эти слова Ницше – идеальный эпиграф к последней «Дивной истории» «Танцующий на дюнах».

Её динамика развивается в «Бегущую по волнам». Сначала мальчик, сын смотрителя дюн, танцует на дюнах, потом бежит по гребням волн. И пусть не у моря стоял город, зато меж двух озёр. Мальчик, сын смотрителя дюн, будто братец Маленького принца, которого Антуан де Сент-Экзюпери встретил опять же в пустыне, и у принца на планете появилась роза, о ней было раньше, роза всегда виновница любви. А к сыну смотрителя дюн прилетел Ворон, тот самый, который был верным гонцом мифической королевы Брунгильды, о нём же стихотворение Эдгара По, но прежде «Сидел Ворон на дубу / Да играл во дуду». Как Скоморошек. У Солёного озера Ворон сидит не на дубу – на гребне самой высокой дюны, сидит трижды сто лет – возраст черепахи Тортилы. Через пески «дорога тянется в танцующий лес». А такой лес мы уже видели глазами Макбета, глядящего, как исполняется пророчество ведьм: «Не знай тревог, пока Бирнамский лес / Не двинется на Дунсинан. И лес / Идёт...» Правда, на деле это замаскировавшееся войско, а не волшебство, как в сосновом бору на золотых песках у Солёного озера. Оно сияет, «словно второе солнце», в траве на голове ужа блестит янтарь, зяблики поют и дюны. Мальчик, собирая зёрна янтара, оставленные на песке, напевает сокровенное. Дюны подхватывали песню. Разве не она отдаётся в стихах поэтессы Нины Маркграф-Орловой: «Весна летает на батуте, / на облаках весь день резвится, / так хочется перевернуть ей / сосуд с янтарною живицей».

«В следующее мгновение мальчик должен был опуститься на землю. И опустился, но не на саму землю, а на поднявшуюся с дюны струйку песка» – предчувствие стремительного движения в начале сказки не обмануло – мальчик уже летит, «повёл рукой от сердца и по дюнам... Ладонью левой руки он покругивал облака над собою. И облака кружились». Это действие мог совершать облакогонитель. А может, последняя сказка – рассказ о детстве и молодости незнакомца из первой сказки?

Увы, счастливая сказка и пение дюн резко обрываются. Во власть вступает Хозяйка Солёного озера, она демократическими методами упраздняет должность смотрителя дюн, ставит природу, танцующие дюны на службу обогащения. И начинается апокалипсис, экологическая история. И тому, кто танцевал на дюнах трижды десять лет назад, ничего не остаётся, как запеть с горя. И тут выявилось, что он ещё и зак-

линатель дюн: те ожили, пошли в наступление на Сударушкин, ставшим Содомом под властью прагматичной Хозяйки. Сама природа встала на свою защиту. У сказки должен быть счастливый конец. Тем более, если она последняя в сборнике. И наша сказка не нарушает прописных правил. Вместо пира прилетает Ворон, держа в когтях ужа с янтарём на голове – янтарной короной. Ворон с ужом – он брат Орла со змеей в когтях. А согласно Гомеру, это символ победы. Орёл – птица солнца, солярный символ, существовавший в культурах более древних, чем греческая: шумерской, в индуизме, у индейцев Месоамерики, конечно же, у славян и в упоминавшейся выше сирийской Пальмире. Победа Орла над змеей – это победа духа над материей, Орёл – символ Солнца, змея – символ мрака, хтонического мира. Вместе они олицетворяют единство духа и материи. Сам же орёл – посланник богов, стежками своих полётов сшивает воедино небесную и земную сферы. Роль Орла и змеи в этой сказке выполняют Ворон и уж. Всю эту мифологическую и культурологическую подоплёку, замеченную даже не пристальным, а беглым взглядом, всё это знание юный читатель впитывает со сказкой. Вырастет, осознает, расшифрует то, что сказочник поведал ему негромким голосом, задушевно.

Иллюстрации в книге выполнены художницей Анной Гошко в мягкой тональности текста, полных звонов, журчаний, шёпота, пения, запахов розы и хвои, игры двуручной света в тени, щебета птиц. Мёд-пиво здесь не пили, зато зяблики весело пели, «не позволяя песенке своей прерваться». Послевкусие песенки: «Песня зяблика, – писал Иван Козьмич Шамов в книге «Наши певчие птицы» в 1876 г., – состоит из одного громкого, весьма своеобразного колена – то короткого, примерно слов 6, с известным окончанием, то длинного – как бы в два колена /... / Более отличается песня хорошего зяблика, состоящая из очень длинных и сильных россыпей, трелей и многих других подобных колен и штук богатейшей постановки... К величайшему сожалению, такие зяблики очень редки, особенно в последние годы, и ценны...» Мы же уверены, что в «Дивных историях» пел хороший зяблик, иначе они не были б дивными.

Примечание:

* стихи Маргариты Сосницкой

Маргарита Станиславовна СОСНИЦКАЯ

родилась в Луганской обл. Украинской ССР.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Поэт, прозаик, публицист, переводчик.

Автор поэтических книг «Опиум отечества»,

«Молоко Жарь-птицы», «Молчание Кассандры»;

книг прозы, в числе которых роман «София и жизнь» (2003), сборники

«Чётки фортуны» (2008), «Записки на обочине»,

«Трава под снегом», «Книга Притч» (2002, 2004 и 2008),

двух книг «Сказки нашего времени»

(2016; 2019 – совм. с Е.М. Глазковой),

а также сборника хайку «Стихи на веере», азбуки сюжетных

и психологических архетипов «Ход куклой» и пр.

Публиковалась в журналах «Юность», «Север», «Дон»,

«Культурное наследие России» и др.,

в альманахах и коллективных сборниках.

На фестивале «Золотой Витязь» (2016) отмечена Бронзовым Витязем,

удостоена премии II степени в номинации «Драматургия» на фестивале

«Интеллектуальный сезон» (2019, г. Саки).

Член Союза писателей России.

